
В. А. Ковалев

**СЛЕДСТВИЕ ОБ ЭПИКУРЕ.
РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ СТИВЕНА ГРИНБЛАТТА
«РЕНЕССАНС: У ИСТОКОВ СОВРЕМЕННОСТИ»**

Южная Германия, предгорья Альп, монастырь, человек, связанный с католической церковью, ищет рукопись древней книги, которой суждено изменить мир. Это вовсе не ранний черновик «Имени розы» Умберто Эко, как можно было бы подумать, хотя связей с творчеством Эко в этом тексте в избытке. Это начало монографии классика (насколько такое понятие применимо к вполне живому и, надеюсь, здравствующему человеку и к достаточно новому направлению в историческом знании) нового историзма Стивена Гринблатта «Ренессанс: у истоков современности».

Нельзя сказать, что форма исторического исследования, сближающая его с детективным романом, является изобретением автора. Достаточно вспомнить ставшую уже в известной степени классической работу Энн Сомерсет «Бессердечное убийство: яд при дворе Якова I»¹. При всем различии этих двух мало похожих друг на друга текстов, можно считать очевидным, что сам жанр подобного оформления исторического текста вполне существует, хотя, наверное, и не является наиболее распространенным, особенно в российской историографии. Традиционно жесткий стандарт отечественного историописания и его источниковедческий уклон не способствуют детективной завязке сюжета, хотя нельзя исключить и потенциальные изменения в этом направлении — те же источниковедческие исследования могут быть представлены как экспертный анализ улик. Так что вполне возможно, что уже в ближайшем будущем такая форма, пока еще выглядящая

¹ *Somerset, A. Unnatural Murder: Poison at the Court of James I. Oxford, 1998.*

© В. А. Ковалев, 2018

новаторской, станет более привычной и обычной и в отечественном сегменте историографии вообще, и в историографии Средних веков в частности.

Сам Гринблатт — фигура в историографии столь же необычная, как и эта книга. Один из основателей нового историзма, неомарксист неортодоксального толка, он часто вызывает некоторое недоумение у читателей и почитателей жанровыми и методологическими экспериментами.

Но обратимся к самому тексту. Во-первых, он очень красиво выстроен. Немного выше уже обращалось внимание на связь монографии Гринблатта с произведениями Эко. И это не только «Имя розы». Прихотливая постмодернистская игра текста заставляет вспомнить мысль Умберто о постмодерне: «Я представляю себе постмодернистское мироощущение как мужчину, любящего очень утонченную женщину и знающего, что он не может сказать ей “Я люблю тебя безумно”, потому что он знает, что она знает (и она знает, что он знает), что эти слова уже были написаны Барбарой Картлэнд. Но все же есть выход. Он может сказать: “Как бы сказала Барбара Картлэнд, я люблю тебя безумно”. На этой точке, избежав фальшивой наивности, сказав ясно, что уже нельзя говорить наивно, он все же тем самым сказал то, что он хотел сказать этой женщине, — то, что он любит ее в век погибшей наивности»².

Понятно, что не обязательно цитировать шекспировского «Гамлета», чтобы напомнить читателям, что людям свойствен страх смерти, как это делает Гринблатт. Само по себе это утверждение одновременно и наивно, и банально. Однако цитата позволяет Гринблатту избежать этих наивности и банальности в мире постмодерна и одновременно перекинуть мостик через века от Эпикура к Браччолини, от Браччолини к Шекспиру, от Шекспира к Джефферсону, от Джефферсона к нам.

Связей с Шекспиром в тексте множество, все же эйвонский бард является одним из главных объектов исторического интереса Гринблатта. Приходится признать, что этот интерес не всегда приводит к бесспорным и однозначным выводам. В рамках новоисторического подхода именно автор стал основателем поиска

² Эко, У. Заметки на полях «Имени розы». М., 2011.

и нахождения у Шекспира «колониального дискурса». Прежде всего, разумеется, в «Буре», где воплощением будущего колониализма становился Калибан. Впрочем, Гринблатт шел еще дальше и находил колониализм у Спенсера, у Марло, а также в шекспировском «Отелло»³. Достаточно многочисленными оказались и критики такого подхода, как крайне тенденциозного и говорящего не столько о колониалистских настроениях в шекспировской Англии, сколько о символе веры современного правоверного интеллектуала-неомарксиста — достаточно вспомнить очень подробное исследование связи шекспировских текстов, колониалистского дискурса и современных представлений в программной статье Энн Меридит Скуры⁴. Не менее политизированным в современном духе, воплощающим на ренессансной сцене страхи левых интеллектуалов начала XXI в. предстает Шекспир и в последней (пока) работе Гринблатта «Тиран: Шекспир о политике»⁵.

Впрочем, в «Ренессансе» бард с берегов Эйвона выступает в качестве проводника эпикурейства. Действительно, у Шекспира есть упоминание атомов, исчезнувшее, правда, в русском переводе «Ромео и Джульетты» Щепкиной-Куперник. Она сильно увеличила повозку королевы Медб, превратив атомы в мошек. Впрочем, возможно, ее перевод ближе к восприятию современников Шекспира, чем к нашему, ибо тогда еще не знали о размерностях — насколько вообще там о них можно говорить — в микромире современной атомной физики. Атомы действительно мыслились чем-то мелким, наподобие мошкар. Кроме того, атомы также упоминаются в тексте одного из современников Шекспира, Томаса Хейвуда, «Поругание Лукреции»:

Эта битва

Полна свершений. Твой отец один

Смог защитить себя от сотни римлян,

³ Greenblatt, S. «Learning To Curse: Aspects of Linguistic Colonialism in the Sixteenth Century», in: *Learning to Curse: Essays in Early Modern Culture*. New York/London, 1992. P. 16–39.

⁴ Skura, M. A. Discourse and Individual: The Case of Colonialism in «The Tempest», in: *Shakespeare Quarterly*. 1989. Vol. 40, No 1. P. 42–69.

⁵ Greenblatt, S. *Tyrant: Shakespeare on politics*. London/New York, 2018.

Хоть стрелы и свистели от него

На расстояньи атома.

(Томас Хейвуд. Поругание Лукреции.

Акт V, сцена 6. Перевод мой)

Так что Гринблатт, вне всяких сомнений, прав — физика Эпикура овладела умами англичан, возможно, даже раньше его этики. Утилитаризм как развитие идей Эпикура в сфере этики наберет популярность в Англии только на рубеже XVIII–XIX вв. с Джереми Бентамом и Джоном Стюартом Миллем. Хотя можно возразить, что атомизм как физическое учение о строении мира вообще утвердился только в XX в., а в XIX в. именовался физиками не иначе как «метафизический монстр».

Все же, детективное по форме, исследование Гринблатта относится именно к истории идей. В тексте множество больших хронологических переходов. Автор не выступает как эволюционист, который должен показать непрерывность развития какого-либо феномена в истории человечества. Не просто так оригинальное название содержит слово *Swerve* — «перелом, разрыв, резкий поворот». Для Гринблатта имеет место хронологический разрыв между античностью и Ренессансом, или, скорее, серия переломов, а Возрождение превращается в их заживление или в резкий поворот, вернувший историю идей на ее магистральный путь.

Кроме того, не является секретом, что Гринблатт кардинально не принимает постмодернистскую концепцию «смерти автора». Напротив, он старается сделать автора практически бессмертным. Поэтому, раз уж автор есть текст и как текст он не может умереть, он свободно оставляет лакуны иногда в столетия и чуть ли не в тысячелетия размером. Такой прием заставляет вспомнить роман Курта Воннегута «Сирены Титана», в котором на Земле из-за огромного количества документов было решено уничтожить все бумаги за период 1000–2000 н. э., после чего в учебниках появилась запись «В это время ничего особенного не происходило». Так же и Гринблатт, изучая развитие конкретной идеи, воплощенной в конкретном тексте, пропускает те периоды, когда текст был не востребован или (по счастью временно) утрачен.

И здесь возникает первый важный вопрос, который порождает эта монография. Насколько связана история идей и история текста? Продолжает ли идея жить, когда тексты, в которых она изложена, утрачены или пылятся и гниют на полках? Ответ на этот вопрос вовсе не очевиден. Эрнст Кассирер писал, что историк идей задается вопросом не в чем субстанция идеи, а в чем ее динамика⁶. Но если важна динамика, то, как и любое движение, она включает периоды относительного покоя, раз уж физики-релятивисты учат нас, что всякое движение относительно. Йоан Петру Кулиану предложил концепцию «селективной сети». Согласно ей, в каждую эпоху существует полный набор идей, а культурные установки эпохи создают сеть, которая «удерживает» часть из них, и именно они актуализируются в данной культуре, в данную эпоху. Изменение «селективной сетки» приводит к изменению набора актуализированных идей, но сами по себе идеи остаются неизменными⁷. Этим объясняется возрождение таких прочно и надежно забытых идей, как пифагорейство, гелиоцентризм, атомизм, утилитаризм и т. д. Собственно сама концепция Кулиану является примером возрождения неоплатонизма во второй половине XX в.

Гринблатт целую главу посвящает «зубам времени», врагам книг, книжным червям (в буквальном, а не в метафорическом смысле) и иным опасностям, подстерегавшим свитки и кодексы в монастырях, собраниях и даже в современных библиотеках, где ко всем напастям предыдущих эпох добавились главные враги книг — читатели. Вполне можно сделать вывод, что он все же придерживается концепции важности материального носителя, ведь именно его ищет и с тщанием переписывает и долго требует назад от друга-эстета Николо Никколи главный действующий персонаж монографии — Поджо Браччолини. Вряд ли по отношению к нему можно употребить термин «герой», поскольку, несмотря на весь внешний материализм Гринблатта, чтение его текста все же заставляет считать главным героем эпикурейскую идею, воплощенную в тексте поэмы «О природе вещей».

⁶ Кассирер, Э. Философия символических форм: В 3-х т. М./СПб., 2002. Т. 3: Феноменология познания.

⁷ Кулиану, Й. П. Эрос и магия в эпоху Возрождения. М., 2017.

Мостки, перекидываемые автором через время и пространство — иногда с помощью идей, иногда с помощью случайно брошенных фраз или упомянутых имен, весьма многочисленны. Описывая находку археологами текстов философа-эпикурейца Филодема в Геркулануме, на вилле, предположительно принадлежавшей Луцию Кальпурнию Пизону, Гринблатт вскользь упоминает Азиния Поллиона — и этим тут же создает связь с историческим романом Торнтон Уайлдера «Мартовские иды», где одним из действующих лиц также является этот сподвижник Цезаря. Да, исторически более корректный образ знатока философии и покровителя искусства Поллиона несколько отличается от прямолинейного солдата из романа, но связь с шедевром Уайлдера установлена.

Единственное, что немного подмочило весь сюжет с Поллионом, — переводческая ошибка. В русском издании Азиний становится «Поллио». Понятно, что по-латыни он *Asinius Pollio* (в номинативе), но это в англоязычной традиции воспроизводится латинский номинатив, а в русской принято использовать основу слова, которая все же заканчивается на -п. Хотя это досадная мелочь, также как и именование Аписа «греческим», в то время как корректно — «эллинистическим» богом.

Еще один мостик через века — отсылка к «Утопии» Томаса Мора. Она же и подводит нас к главному, на мой взгляд, вопросу, который ставит перед нами монография Гринблатта. Разумеется, «Утопия» — платонический, а не эпикурейский текст, и также очевидно, что эпикурейские мотивы присутствуют в описаниях жизни утопийцев. Но «Утопия» заставляет нас вспомнить снова о роли книги в истории. Луиджи Фирпо писал, что «Утопия» — одна из немногих книг, о которых можно сказать, что они повлияли на ход истории:

«В них человек, измученный насилием несправедливого общества, заявляет протест, который никогда уже не будет заглушен. Первый из бессильных реформаторов, замкнутый в мире чрезмерно глухом и слишком враждебном для того, чтобы выслушать его, он обучал, как вести борьбу тем единственным способом, который остается безоружным людям культуры. Обращаясь к будущим векам, они создают программы не затем, чтобы призывать к непосредственному действию, но чтобы будоражить сознание. И по сей день блестящие реалисты,

которых мир с укором называет утопистами, делают именно то единственное, что им дано: как мореплаватели, потерпевшие кораблекрушение у необитаемого острова, они бросают бутылку в море с последним посланием потомкам»⁸.

Гринблатт скорее разделяет пафос Фирпо, хотя и в отношении другого текста — «О природе вещей» Тита Лукреция Кара. Действительно, как и «Утопия», поэма Лукреция не давала готовой программы действий или отношения к миру. Каждый брал из нее то, что считал важным. Друг-соперник Поджо Браччолини — Лоренцо Валла, многократно упоминаемый именно в этом качестве Гринблаттом, взял этические идеи, как потом делали Джереми Бентам, Джордж Мур и другие утилитаристы. Физики взяли атомизм, идею того, что основная составляющая наших тел — пустота (здесь возникает соблазн установить связь с Пелевиным, но это будет уже перебор даже по постмодернистским меркам). Самого Гринблатта, как до него Шопенгауэра, впечатлил способ отвергнуть страх смерти, по его собственному признанию, сделанному в самом начале текста, мучивший и мать историка, и самого будущего корифея нового историзма.

Гринблатт упрекает гуманистов в том, что они не разработали стройной идеологии на основе эпикурейства, оно так и не стало идеологической системой. Все же неомарксист в нем иногда побеждает. Считать ли этот упрек справедливым или нет — ответ на этот вопрос зависит от нашего отношения к ренессансной философии в целом. Пауль Кристеллер, например, считал, что ренессансный гуманизм не создавал своей философской системы, оставаясь набором риторических приемов и образовательных практик⁹. Философскую систему Кристеллер явно понимал как логически непротиворечивую «систему всего». Ему справедливо возражал Эудженио Гарэн, что вовсе не обязательно философская система характеризуется всеохватностью и непротиворечивостью:

«...гуманисты не захотели отказываться от того, чем обычно жертвуют — собственным образом мысли, — ради построения грандиозных «соборных идей», ради большей систематизации

⁸ *Антиисери, Д., Реале, Дж.* Западная философия от истоков до наших дней: В 4-х т. СПб., 2002. Т. III: от Возрождения до Канта.

⁹ *Kristeller, P. O.* Renaissance Thought and its Sources. New York, 1979.

логики и теологии, такой философии, которая сводит к «сумме» любую проблему, любой поиск в области теологии, которая заключает в заранее подготовленные рамки любые возможные варианты. В эпоху гуманизма пустая и бесполезная философия заменяется конкретными, точными исследованиями в нравственных науках (этике, политике, экономике, эстетике, логике, риторике) с выработкой своих собственных принципов вне всяких правил»¹⁰.

При таком понимании ренессансной мысли упрек Гринблатта бьет мимо цели, поскольку в планах и Браччолини, и Никколи, и Валлы не было превратить эпикурейство в основу новой идеологии, опираясь на которую можно было бы противостоять схоластике и христианской этике. Гуманисты просто делали то же самое, что и Гринблатт полтысячелетия спустя, — наслаждались великолепным текстом Лукреция, верные заветам Эпикура.

Достоинством поэмы и главным, что роднило ее с «Утопией», было то, что на протяжении веков она будоражила умы, иногда задавая вопросы, иногда вызывая восторг, иногда ненависть, — Гринблатт особо акцентирует внимание на той борьбе, которую вели с эпикурейством ранние христиане. Но могла ли быть создана та самая «этика страдания», базирующаяся на отрицательной антропологии Блаженного Августина, на которую так нападает Гринблатт, если бы не противостояние с «этикой удовольствия» эпикурейцев? Следует, правда, признать, что Гринблатт, рисуя христианскую «этику страдания» в мрачных тонах, совершенно не замечает, что она, в отличие от эпикурейской этики, оптимистична — человек может стать лучше в христианской вселенной, но не в эпикурейской.

Читателям, к которым гипотетически адресуется текст работы, пафос Фирпо и Гринблатта, скорее всего, близок и понятен, поскольку сами они «люди книги». Тема книги, меняющей мир, обожествление самого текста, активно присутствует в мировых религиях — исламе с его несотворенным Кораном, иудаизме с особыми свойствами свитков Торы, некоторых протестантских номинациях, где Библия была воплощенным Словом Божьим и ее необходимо было хранить дома, но не читать без необходимости. В художественной литературе эта тема воплощалась от уже упоми-

¹⁰ Гарэн, Э. Проблемы итальянского Возрождения. М., 1986.

навшегося «Имени розы» до «Клуба Дюма» Переса-Реверте или «Некрономикона» Лавкрафта.

Но есть и другой взгляд на вопрос о роли книги в истории. Прочитую отрывок из творчества Пола Фейерабенда:

«Сегодня в наших университетах и исследовательских центрах есть какое-то количество марксистских книг и сторонников марксистских идей — но можем ли мы утверждать, что «наша культура заражена марксизмом»? Я так не думаю, ибо нет никаких следов марксизма в наших мыльных операх и в наших религиозных убеждениях. Интеллектуалы все еще не делают культуры. Конечно, можно постулировать, что культура равна литературе плюс искусство плюс наука, но тогда вопрос влияния мы решим с помощью декрета, а не с помощью исследования»¹¹.

При таком взгляде — а он, безусловно, не просто имеет право на существование, а представляется более чем обоснованным, — история одной книги (тем более до изобретения книгопечатания) становится не столько историей идеи как основы символической системы культуры, сколько историей небольшого кружка интеллектуалов, достаточно обособленного от окружающего их социального мира и меняющего свои взгляды согласно собственным внутренним процессам. То есть если книга Лукреция и изменила мир, то только очень небольшой мирок, создав в нем новую группу, использующую эту книгу для укрепления своих социальных позиций и продвигающую идеи Эпикура, прежде всего, в своем ограниченном сообществе. Это, разумеется, вовсе не отрицает того, что Валла, Никколи, Браччолини, Салютати и другие были неискренними, когда восторгались Лукрецием или что продвижение эпикурейских идей для укрепления своих социальных позиций мешало эстетическому наслаждению текстом «О природе вещей». Но мы должны понимать ограниченность влияния этого — как и любого иного — текста. Идея Гринблатта в интерпретации Фейерабенда приобретает не столько гуманистический пафос, сколько заносчивость сноба-интеллектуала.

В целом, книга Гринблатта, при всей идеологической нагруженности автора, при неоднозначности (точнее, как раз излишней однозначности) многих исторических трактовок, при справедливых упреках Эдварда Пехтера в том, что новый историзм

¹¹ Фейерабэнд, П. Прощай, разум. М., 2010.

не столько метод исторического исследования, сколько инструмент продвижения символа веры современного интеллектуала-неомарксиста¹², выполняет главную задачу — будоражит наши мысли. А что родится от этого — гуманистический пафос или интеллектуальный снобизм, — зависит только от нас.

Информация о статье

Ковалев, В. А. Следствие об Эпикуре. Рецензия на монографию Стивена Гринблатта «Ренессанс: У истоков современности», В кн.: *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени*. 2018. Вып. 4 (1). С. 169–180.

Виктор Александрович Ковалев, к. и. н., доцент, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов (192238, Россия, Санкт-Петербург, ул. Фучика, д. 15)

onuphriyphd@gmail.com

УДК 94(5) “15/18”

В рецензии на русское издание монографии знаменитого английского историка и литературоведа Стивена Гринблатта «Ренессанс: у истоков современности» текст исследования помещается в контекст развития исторической мысли конца XX – начала XXI в. Рецензент отмечает, что многие особенности рецензируемой монографии связаны с особенностями неоисторической школы, одним из основателей которой является автор — акцент на политическом и идеологическом в истории, проекции политических пристрастий авторов на прошлое. При этом также подчеркивается оригинальность формы исследования, его значение для развития истории идей, широкий охват проблематики истории нематериального на большой исторической протяженности.

Ключевые слова: неоисторизм, история литературы, Ренессанс, история идей, неомарксизм, история раннего Нового времени, история Средних веков, история философии

Information on the article

Kovalev, V. A. Sledstvie ob Epikure: Retsenziya na monografiyu Stivena Grinblatta «Renessans: U istokov sovremennosti» [Epicurean Detective. Stephen Greenblatt's «The Swerve: How the World Became Modern»], in: Proslogion:

¹² *Pechter, E. The New Historicism and Its Discontents: Politicizing Renaissance Drama, in: Publications of Modern Language Association of America. 1987. Vol. 102. No 3. P. 292–303.*

Studies in Medieval and Early Modern Social History and Culture, 2018. Vol. 4 (1). P. 169–180.

Viktor Aleksandrovich Kovalev, doctor of History, assistant professor, Saint-Petersburg State University of the Humanities and Social Sciences (192238, Rossiya, Sankt-Peterburg, ulitsa Fuchika, 15)

onuphriyphd@gmail.com

In the review of Stephen Greenblatt's «The Swerve: How the World Became Modern» criticist argues that many of the monograph's features are linked with neohistoricism pattern. It is apparent because author is one of neohistoricism patriarchs. Emphasis on the political and ideological aspect of historical events along with projection of author's political prejudices frames all the scheme of the text. Reviewer points that the main theme of the monograph is author's denying of postmodern concept of an «author's death». Neither an author, nor the idea can not die, argues Greenblatt, because all things forgotten can return in the history of thoughts. Exemplified by the history of Epicureanism, this thesis runs like a golden thread through all substance of investigation. Along with this filled with humanistic pathos idea the key question of the scale of influence of the elite book-learned culture on the popular one remains unanswered by Greenblatt. Author sophisticatedly intertwines the storyline of Epicurean philosophy invention, oblivion and rediscovering in the Renaissance with historical, bookish, dramaturgical and even with his own biographical facts and events. But sometimes, as reviewer points, Greenblatt is unfair to the characters of his text blaming them in ideological imperfection. Also due to the concept of ideas' immortality, he remains undiscovered a great part of historical process.

Key words: neohistoricism, history of literature, the Renaissance, history of thoughts, Neomarxism, the early Modern history, history of the Middle ages, history of philosophy

Список источников и литературы

Greenblatt, S. «Learning to Curse: Aspects of Linguistic Colonialism in the Sixteenth Century», in: *Learning to Curse: Essays in Early Modern Culture*. New York/London: Routledge, 1992. P. 16–39.

Greenblatt, S. *Tyrant: Shakespeare on Politics*. London/New York: W. W. Norton and Co, 2018. 224 p.

Kristeller, P. O. *Renaissance Thought and Its Sources*. New-York: Columbia University Press, 1979. 347 p.

Pechter, E. *The New Historicism and Its Discontents: Politicizing Renaissance Drama*, in: *Publications of Modern Language Association of America*. 1987. Vol. 102. No 3. P. 292–303.

Skura, M. A. Discourse and Individual: The Case of Colonialism in «The Tempest», in: *Shakespeare Quarterly*. 1989. Vol. 40, No 1. P. 42–69.

Somerset, A. Unnatural Murder: Poison at the Court of James I. Oxford: Phoenix, 1998. 524 p.

Антисери, Д., Реале, Дж. Западная философия от истоков до наших дней: В 4-х т. Т. III: От Возрождения до Канта. СПб.: Пневма, 2002. 880 с.

Гарэн, Э. Проблемы итальянского Возрождения. М.: Прогресс, 1986. 396 с.

Кассирер, Э. Философия символических форм: В 3-х т. Т. 3: Феноменология познания. М./СПб., 2002. 398 с.

Кулиану, П. Эрос и магия в эпоху Возрождения. М.: Издательство Ивана Лимбаха, 2017. 608 с.

Фейерабэнд, П. Прощай, разум. М.: АСТ, 2010. 477 с.

Эко, У. Заметки на полях «Имени розы». М.: Астрель, 2011. 160 с.

References

Antiseri, D., Reale, Dzh. Zapadnaya filosofiya ot istokov do nashikh dney: V 4-kh t. T. III: Ot Vozrozhdeniya do Kanta [Western Philosophy from the Source to our Days: In 4 vols. T. III: From the Renaissance to Kant]. Sankt-Peterburg: Pnevma, 2002. 880 p.

Eko, U. Zametki na polyakh «Imeni rozy» [Notes on the Fields «The Name of the Rose»]. Moskva: Astrel', 2011. 160 p. (in Russian)

Feyerabend, P. Proshchay, razum [Goodbye, Reason]. Moskva: AST, 2010. 477 p. (in Russian)

Garen, E. Problemy ital'yanskogo Vozrozhdeniya [Problems of the Italian Renaissance]. Moskva: Progress, 1986. 396 p. (in Russian)

Greenblatt, S. «Learning To Curse: Aspects of Linguistic Colonialism in the Sixteenth Century», in: *Learning to Curse: Essays in Early Modern Culture*. New York/London: Routledge, 1992. P. 16–39.

Greenblatt S. Tyrant: Shakespeare on Politics. London/New York: W. W. Norton and Co, 2018. 224 p.

Kassirer, E. Filosofiya simvolicheskikh form: V 3-kh t. [Philosophy of Symbolic Forms: In 3 vols]. T. 3: Fenomenologiya poznaniya [Phenomenology of cognition]. Moskva/Sankt-Peterburg, 2002. 398 p. (in Russian)

Kristeller, P. O. Renaissance Thought and Its Sources. New-York: Columbia University Press, 1979. 347 p.

Kulianu, P. Eros i magiya v epokhu Vozrozhdeniya [Eros and Magic in the Renaissance]. Moskva: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2017. 608 p. (in Russian)

Pechter, E. The New Historicism and Its Discontents: Politicizing Renaissance Drama, in: *Publications of Modern Language Association of America*, 1987. Vol. 102, No 3. P. 292–303.

Skura, M. A. Discourse and Individual: The Case of Colonialism in «The Tempest», in: *Shakespeare Quarterly*, 1989. Vol. 40, No 1. P. 42–69.

Somerset, A. Unnatural Murder: Poison at the Court of James I. Oxford: Phoenix, 1998. 524 p.